

Научная статья

УДК 331

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-4-208-222

РЕФОРМИРОВАНИЕ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ГЕНЕЗИС, ОСОБЕННОСТИ И ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВУЗЕ

Елена Петровна Костенко¹, Анна Вячеславовна Гозалова²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ekostenko@sfedu.ru

²Agozalova@sfedu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы, направления и программы реформирования сферы высшего образования в России и их влияние на изменение системы социально-трудовых отношений в вузах. Дана характеристика основных категорий высших учебных заведений: цели создания, сходство и различие, роль в реализации программ академического лидерства. Авторами выделены особенности социально-трудовых отношений в организациях сферы высшего образования в сфере привлечения, занятости, организации и мотивации научно-педагогических работников.

Ключевые слова: сфера высшего образования, тренды развития системы высшего образования, программа стратегического академического лидерства «Приоритет–2030», социально-трудовые отношения, научно-педагогические работники, организация труда НПП

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-90015.

Для цитирования: Костенко Е. П., Гозалова А. В. Реформирование сферы высшего образования в России: генезис, особенности и влияние на социально-трудовые отношения в вузе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 208–222. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-208-222>

Problems of Economics

Original article

THE REFORMING OF THE SPHERE FOR HIGHER EDUCATION IN RUSSIA: GENESIS, FEATURES, AND IMPACT ON SOCIAL AND LABOR RELATIONS AT THE UNIVERSITY

Elena P. Kostenko¹, Anna V. Gozalova²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ekostenko@sfedu.ru

²Agozalova@sfedu.ru

Abstract. The main stages, directions, and programs of reforming the sphere of higher education in Russia and their impact on changing the system of social and labor relations in universities are discussed in this article. The characteristic of the main categories of the institutions of higher education is given: the goals of creation, similarities and differences, the role of implementation programs of academic leadership. The authors have highlighted the features of social and labor relations in the organizations of higher education: in the sphere of attraction, employment, organization, and motivation of scientific and pedagogical workers.

Keywords: sphere of higher education, trends in the development of the system of higher education, the program of the strategic academic leadership «Priority–2030», social and labor relations, scientific and pedagogical workers, the organization of labor for the scientific and pedagogical workers

Financial Support: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-310-90015.

For citation: Kostenko E. P., Gozalova A. V. The reforming of the sphere for higher education in Russia: genesis, features, and impact on social and labor relations at the university. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(4):208–222.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-208-222>

Генезис и направления реформирования системы высшего образования в России

Уровень развития образования и науки является одним из ключевых критериев, определяющих место страны в системе мировой экономики. На всех исторических этапах, в любой стране именно сфера высшего образования является одним из основных драйверов социально-экономического развития, инструментом достижения стратегических целей не только общегосударственного, но и глобального значения. Рассмотрение процесса генезиса и трансформации сферы высшего образования и сложившихся в ней систем социально-трудовых отношений помогают понять общую направленность их дальнейшей эволюции, взаимосвязь с социально-экономической политикой государства, стратегическими и оперативными программами развития современного российского вуза. Кроме того, большинство реформ сферы высшего образования, проводимых на рубеже XX–XXI вв., во многом определяются спецификой предшествующих этапов.

Хотя первые высшие учебные заведения появились в России на рубеже XVII–XVIII вв. (Славяно-Греко-Латинская Академия (1687), Школа математических и навигационных наук (1701), Морская Академия (1715)), создание именно «системы высшего образования в нашей стране началось в XVIII в и связано с Указом Петра I о создании в 1724 г. Академии наук, Академической гимназии и Санкт-Петербургского Университета» [1, с. 419]. В 1755 г., одновременно с основанием Московского Университета, был принят первый Университетский Устав, ставший основой концептуализации деятельности университетов. В отличие от зарубежных стран, в России высшие учебные заведения возникли и развивались не в ответ на развитие городов и производства, а сами формировали среду и быстро превратились в самостоятельную ценность.

В 60–70-е гг. XIX в. в системе российского высшего образования произошли серьезные изменения. Во-первых, произошло изменение принципа обучения: на естественнонаучных и медицинских факультетах появились лаборатории, позволившие студентам вести научную работу, в результате впервые обучение стало активным. Это привело к изменению роли преподавателя высшей школы – и преподавание, и ведение научно-исследовательской работы стали неразделимыми. Во-вторых, по инициативе Д. И. Менделеева впервые в программу обучения были внесены спецкурсы и произошло разделение образовательных дисциплин на общие и специальные, что способствовало усилению специализации/профилизации преподавателей.

В России значительное влияние на формирование модели образования и вуза оказывает тип экономической системы. В условиях плановой экономики в СССР высшие учебные заведения стали, по сути, «фабрикой кадров» [2–3]. В СССР период расцвета высшей школы приходится на 50–60-е гг. XX в. В эти годы по качеству подготовки специалистов в области точных и естественных наук, а также по общей численности студентов СССР занимал одно из ведущих мест в мире. Основным принципом построения советской системы высшего образования было «жесткое разделение и специализация элементов, их вертикальная, а не горизонтальная интеграция» [4, с. 128]. Этот принцип предполагал разделение образовательной и научно-исследовательской деятельности. Поэтому одной из главных особенностей развития сферы высшего образования в СССР являлась недостаточная реализация исследовательской функции в большинстве высших учебных заведений. Соответственно и роль преподавателя во многих вузах сводилась именно к преподавательской деятельности и разработке учебно-методических материалов в рамках читаемых дисциплин, а проведение исследований и активная публикационная деятельность не являлись обязательным требованием к работникам. На всей территории СССР научные разработки и проведение исследований были сконцентрированы в основном в структуре институтов Академии наук. Указанная особенность во многом предопределила направления реформирования сферы высшего образования в РФ в конце XX – начале XXI вв. Исходной точкой реформирования сферы высшего образования можно считать Указ «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» (1991 г.). Также одним из первых был принят закон Российской Федерации «Об образовании» (1992 г.) [5, с. 12–21].

В отечественных исследованиях, посвященных вопросам реформирования и трансформации сферы высшего образования, представлены различные варианты периодизации развития этой сферы в современной России [2–3; 6–10]. Соглашаясь с периодизацией развития высшего образования (1990–2000 гг., 2000–2011 гг., 2012 г. – настоящее время), представленных в монографии «Университеты на перепутье: высшее образование в России», представим авторское видение причин, направлений и результатов реформирования сферы высшего образования (табл. 1).

Таблица 1 – Особенности реформирования сферы высшего образования в России¹
 Table 1 – Features of higher education reform in Russia

Этап	Причины изменений	Основная характеристика этапа	Направления изменений
1	2	3	4
1990–2000 гг.	Структурная перестройка экономики: - сокращение численности занятости в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте и связи; - увеличение занятости в финансовой сфере, торговле и государственном управлении	Политика невмешательства государства в сферу высшего образования. Коммерциализация и маркетингизация сферы высшего образования.	Диверсификация высшего образования. Сокращение государственного контроля за деятельностью вузов. Появление большое числа новых негосударственных/коммерческих вузов и платных образовательных услуг.
Результат первого этапа	Сокращение спроса на специалистов с высшим естественно-научным и инженерным образованием. Снижение популярности инженерных вузов и увеличение доли вузов экономического, управленческого и юридического профиля. Резкий рост количества вузов. Падение престижа преподавательской деятельности и работы в вузе. Снижение качества высшего образования в ряде вузов. Снижение ценности диплома о высшем образовании. Увеличение спроса на получение высшего образования во всех возрастных группах с конца 1990 гг. (причиной стала минимизация факторов случайности в развитии карьеры и доходах работников). Усиление внимания россиян к получению второго высшего образования. Отказ от системы обязательного распределения выпускников вузов (способствовал регионализации молодежного рынка труда). Поведение многих вузов на образовательном рынке стало аналогично поведению бизнес-компаний – многие вузы включились в ценовую конкуренцию: стоимость образования, стипендии, образовательные гранты, условия обучения и проживания студентов и т.п. Усиление автономности вузов в определении своей стратегии развития, миссии, выборе направлений подготовки и формировании пула интересных дисциплин, выбора баз практики и стажировок студентов и др. Основное направление деятельности преподавателя – педагогическая деятельность. Основная функция образования и преподавателя – передача информации.		
2000–2011 гг.	Падение качества преподавания и образования в целом. Переход квалифицированных научно-педагогических работников из вузов в другие сферы экономики.	Включение сферы высшего образования в число приоритетов государственной политики	1) Институциональная трансформация - создание новых правил, стимулирующих эффективную деятельность университетов: - подписание Болонской декларации (2003 г.). - реформа системы финансирования вузов на основе государственных именных обязательств (ГИФО); - интеграция образования и науки; - введение ЕГЭ как обязательного экзамена (с 2009 г.).

¹ Разработано авторами по материалам исследования.

Этап	Причины изменений	Основная характеристика этапа	Направления изменений
1	2	3	4
			2) Структурная трансформация – изменение организационной структуры системы высшего образования и создание групп университетов нового типа: - создание университетских комплексов (2001 г.); - развитие профессиональных образовательных учреждений, реализующих программы различных уровней образования (2006-2010 гг.); - создание и развитие сети федеральных университетов (с 2006 г.); - создание и развитие сети национальных исследовательских университетов (с 2008 г.); - придание особого статуса МГУ и СПбГУ (2009 г.).
Результат второго этапа	Преобразование государства в ведущего стейкхолдера в сфере высшего образования. Разработка новых образовательных стандартов. Переход к трехуровневой системе высшего образования (бакалавриат – магистратура – аспирантура). Увеличение объема федерального финансирования ведущих вузов. Развитие сети федеральных и научно-исследовательских университетов. Рост академической свободы в вузах. Начало активной исследовательской работы в вузах. Основные направления деятельности преподавателя – педагогическая и научно-исследовательская деятельность.		
2012 г. – настоящее время	Низкая международная конкурентоспособность большинства вузов. Необходимость совершенствования подготовки научных и педагогических кадров. Недостаточное внимание государства к изменениям в содержании и методах обучения в вузах.	Системная трансформация сферы высшего образования. Встраивание стратегии развития вуза в стратегию развития РФ. Разработка стратегических программ развития сферы высшего образования. Обеспечение включения российских вузов в международные рейтинги (QS, THE, ARWU). Усиление контроля за деятельностью вузов со стороны Минобрнауки РФ, Росаккредагентства и др.	1) Принятие Федерального закона РФ «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.). 2) Введение ежегодного мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования (с 2012 г.). 3) Реализация проекта по повышению международной конкурентоспособности ведущих российских университетов – «Проект 5-100» (с 2013 г.). 4) Создание опорных вузов (с 2016 г.). 5) Начало реализации приоритетных проектов (с 2016 г.): - «Вузы как центры пространства создания инноваций»; - «Современная цифровая образовательная среда в РФ»; 6) Начало реализации национальных проектов «Образование», «Наука» и «Цифровая экономика» (с 2018 г.).

Этап	Причины изменений	Основная характеристика этапа	Направления изменений
1	2	3	4
			7) Начало реализации приоритетных федеральных проектов (с 2018 г.): - «Молодые профессионалы»; - «Кадры для цифровой экономики»; - «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок». 8) Начало реализации программы стратегического академического лидерства « Приоритет 2030 » (с 2021 г.).
Промежуточные результаты третьего этапа	Усиление научно-исследовательской работы в вузах, реализация программ прикладных и фундаментальных исследований. Развитие структурных подразделений вузов с учетом стратегии его развития и национальными приоритетами развития. Рост публикационной активности научно-педагогических работников. Повышение престижа преподавательской деятельности. Рост квалификации НПР. Активное внедрение рейтингов НПР как инструментов стимулирования/оценки деятельности. Увеличение спроса на обучение по программам магистратуры. Увеличение объема федерального финансирования ведущих вузов. Развитие инфраструктуры вузов. Разработка новых образовательных стандартов. Рост целевого финансирования программ повышения конкурентоспособности ведущих вузов. Рост позиций университетов в международных рейтингах. Быстрое развитие сети вузов новых категорий: федеральные университеты (10), научно-исследовательские университеты (29), опорные университеты (33). Оптимизация и сокращение количества вузов, в т. ч. частных вузов. Развитие программ академической мобильности преподавателей и студентов. Рост бюрократизации в сфере высшего образования. Основные направления деятельности преподавателя – педагогическая, научно-исследовательская деятельность, администрирование образовательной деятельности и программ обучения. Основная функция образования и преподавателя – формирование и развитие компетенций.		

С начала реформирования системы высшего образования в России и в настоящий момент значительное влияние на все аспекты деятельности и систему социально-трудовых отношений высшего учебного заведения оказывает его вид и/или категория. Долгое время классификация высших учебных заведений и организация в них образовательной и исследовательской деятельности во многом сохраняла черты советской системы. В первоначальной версии Федерального закона РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» как и раньше выделялось 3 основных вида высших учебных заведений в России: университет, академия и институт. Однако в настоящий момент выделение данных видов высших учебных заведений носит во многом условный характер (сохраняется в основном в названиях высшего учебного заведения), поскольку в последней версии Закона об образовании от 16.04.2022 г. акцент делается не на вид учебного заведения, а на перечень реализуемых образовательных программ. В актуальной версии Закона об образовании в Ст. 23 и Ст. 24 подчеркивается только особый статус МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, а также выделяются категории «федеральный университет» и «научно-исследовательский университет».

В настоящий момент, к сожалению, не существует единой классификации российских вузов. Во многих публикациях подчеркивается, что политика государства в области высшего образования исходит из так называемой ««бинарной системы», в рамках которой выделяется две группы вузов – «ведущие» и «другие» или «остальные»» [11, с. 43-52; 12]. Причем в группу

«ведущих» входит только около 10% вузов. К категории ведущих вузов прежде всего относятся федеральные университеты и научно-исследовательские университеты.

Наряду с рассмотренными процессами реформирования сферы высшего образования наблюдается и такой тренд, как *активный процесс объединения/слияния/укрупнения образовательных организаций* (с начала 2000-х гг. это является одним из мировых трендов развития высшей школы). Например, в Европе в период в 2000 по 2015 гг. произошло более 100 объединений вузов, в Китае с начала 1990-х гг. по 2005 г. – 424, в результате, почти 75% китайских вузов являются объединенными¹. С 2016 г. началось формирование так называемых «опорных вузов» – академических консорциумов субъектов РФ, ориентированных на развитие как отдельной отрасли, так и региона в целом. Категория «опорный вуз» является новой как в российской, так и в мировой системе высшего образования. Основной целью создания опорных университетов было, с одной стороны, повышение качества образования в региональных вузах и создание на этой основе учебного заведения, соответствующего по качеству подготовки ведущим (прежде всего столичным) вузам, а с другой – обеспечение рынков труда квалифицированными научными и профессиональными кадрами, необходимыми для развития конкретного субъекта Российской Федерации. Соответственно опорные вузы могут быть двух типов: региональные (объединяют вузы региона в целом для решения каких-либо масштабных задач развития) и отраслевые (объединяют организации такой же отраслевой направленности: университеты, научные институты).

Как и федеральные университеты, опорные вузы как правило создаются на основе объединения нескольких специализированных региональных вузов (либо объединение по схожести направления подготовки специалистов, либо по принципу месторасположения). В отличие от других программ развития высшей школы, программа развития опорных университетов, предполагает, что оценка их эффективности будет проводиться не только на основе традиционных показателей, характерных для вуза, но и на основе оценки того вклада, который опорный университет вносит в социально-экономическое и технологическое развитие отрасли и региона в целом. Также оценка эффективности опорного вуза проводится на основе того, насколько отраслевые компании готовы инвестировать в него и на этой основе создавать совместные производства. Соответственно особенностью обучения в опорных вузах является более серьезная практическая подготовка студентов в компаниях партнерах. В начале 2022 г. в проекте создания опорных университетов участвовало уже 33 вуза, а к концу 2030 г. Минобрнауки прогнозирует появление и успешное функционирование 60 опорных университетов.

Несмотря на наблюдающуюся с 2010 г. тенденцию к снижению численности организаций высшего образования (вызвана как указанными ранее процессами реструктуризации и объединения вузов, так и массовым уходом с образовательного рынка неэффективных частных вузов), в настоящий момент сфера высшего образования в России остается одной из самых крупных в мире и является одним из крупнейших работодателей в стране. На начало 2022 г. в России насчитывалось 1222 организации высшего образования, в т. ч. – 906 государственных и муниципальных и 316 частных вуза².

Около десяти лет назад в России началась разработка и реализация стратегических программ развития сферы высшего образования. В 2013 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ от 16.03.2013 № 211 началась реализация «Проекта 5-100». «Проект 5-100» – это государственная программа поддержки ведущих российских вузов, «направленная на формирование группы университетов, обладающих глобальной конкурентоспособностью среди ведущих мировых научно-образовательных центров» [13, с. 31]. Основные направления «Проекта 5-100» представлены на рис. 1.

В результате реализации этой программы из общего числа участников проекта не менее 5 университетов должны были войти в 100 лучших вузов на основе авторитетных мировых рейтингов QS, THE и ARWU. В 2021 г. 13 национальных исследовательских университетов и 5 федеральных университета являлись участниками «Проекта 5-100» (табл. 2).

¹ Объединение университетов: причины и следствия. – 2015. – URL:

https://www.bbc.com/russian/society/2015/11/151125_europe_russia_merging_universities (дата обращения: 19.04.2022).

² Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. 2021. – URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&ysclid=l4bvymoph437069815> (дата обращения 05.09.2022).

Рис. 1. Программа повышения международной конкурентоспособности вузов «Проект 5-100»¹

Fig. 1. The program for improving the international competitiveness of universities "Project 5-100"

Таблица 2 – Место ведущих вузов России в ТОП-500 мировых рейтингов (в 2019 и 2021 гг.)²

Table 2 – The place of Russia's leading universities in the TOP 500 world rankings (in 2019 and 2021)

Название рейтинга	Вузы-участники «Проекта 5-100»		Из них федеральные университеты		Из них национально-исследовательские университеты	
	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.
Рейтинг агентства QS вузов стран Восточной Европы и Центральной Азии QS (QS World University Rankings)	12	13	2	3	9	4
Британский рейтинг THE (Times Higher Education)	4	4	0	0	4	4
Шанхайский рейтинг ARWU (Academic Ranking of World Universities)	2	13	0	1	2	3

Как показано в табл. 2, за 8 лет реализации «Проекта 5-100», количество ведущих вузов, вошедших в авторитетные (как общие, так и предметные/отраслевые) международные рейтинги увеличилось не так значительно. При сравнении результатов развития вузов входящих в Проект, с вузами, которые к нему не присоединились, то по таким показателям, как число публикаций, индексируемых в Web of Science, на 100 НПП, количество цитирований публикаций, изданных за последние 5 лет, индексируемых в Web of Science, количество обучающихся в магистратуре и аспирантуре, доля иностранных студентов в общем количестве обучающихся и некоторых других, можно сделать вывод, что федеральные университеты, включенные в этот проект, имеют значения показателей, значительно превышающие для остальных вузов этой

¹ Составлено авторами по материалам исследования.

² Составлено авторами на основе: 48 российских университетов вошли в число лучших вузов мира. – URL: https://mayakbor.ru/news/society/pochti_50_rossiyskikh_universitetov_voshli_v_chislo_luchshikh_vuzov_mira/ (дата обращения 27.05.2022); Предметные рейтинги университетов ARWU 2021.– URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/6573/?> (дата обращения 27.09.2022); 48 российских университетов попали в рейтинг THE 2021 года. – URL: <https://vuzyi.lancmanschool.ru/poleznyie-stati/v-rejtinge-the-2020-39-vuzov/?ysclid=l4g6wujyb9229501877> (дата обращения 27.09.2022).

группы, в то время как научно-исследовательские университеты, хоть и занимают лидерские позиции в «Проекте 5-100», в целом «имеют показатели, сравнимые со значениями группы вузов «Проекта 5-100», не являющихся исследовательскими университетами»¹.

Логическим продолжением Проекта «5-100» стала Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (рис. 2).

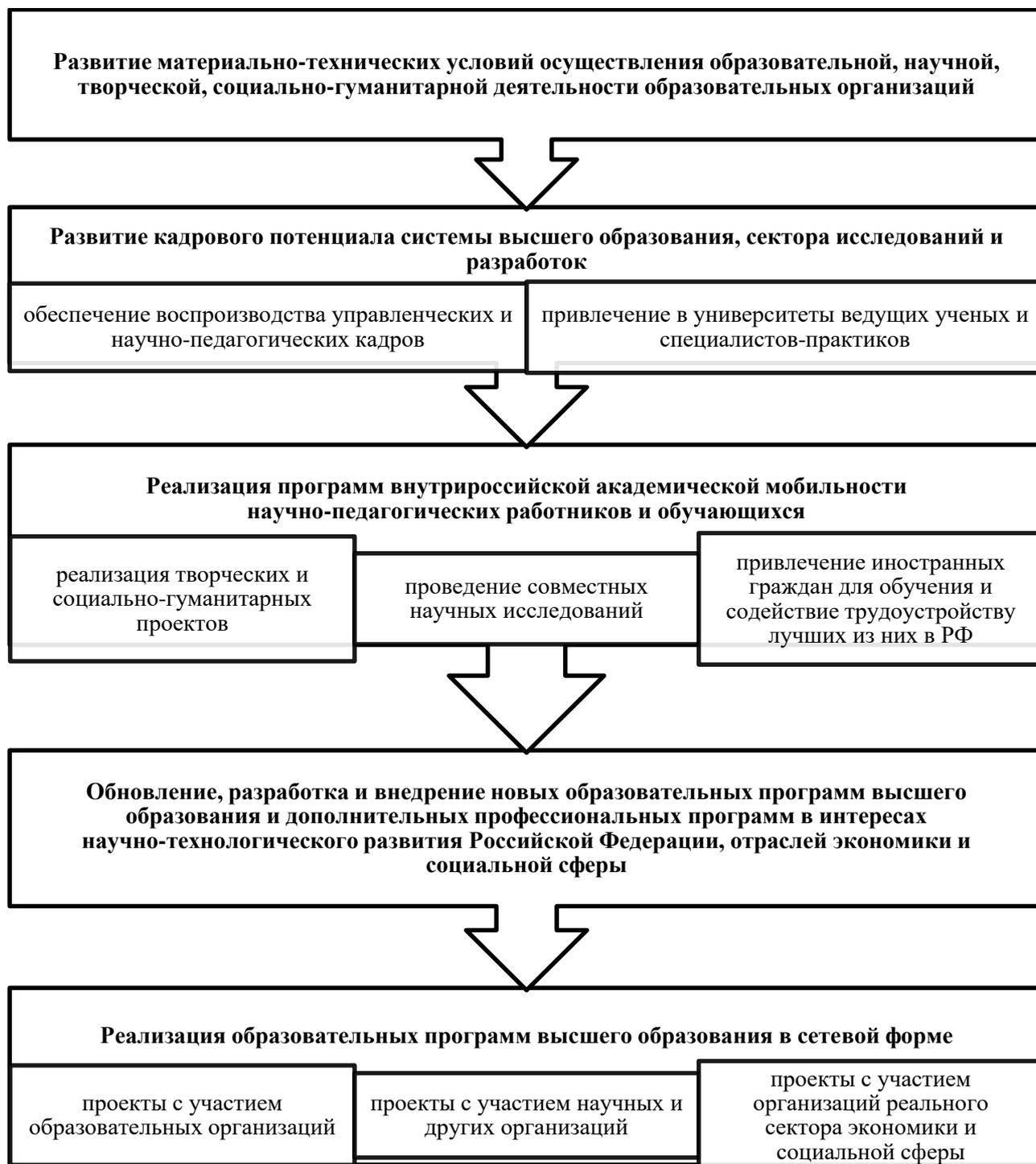

Рис. 2. Направления программы «Приоритет 2030»
[составлено авторами на основе: 15, с. 237-239; 16, с. 61-62]
Fig. 2. Directions of the "Priority 2030" program

¹ См.: [14], а также: Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. 2021. – URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&ysclid=l4bvymonph437069815> (дата обращения 05.10.2022).

Стратегическим ядром программы «Приоритет 2030» является политика в области управления человеческим капиталом вузов. Программой предусматривается грантовая поддержка университетов (минимальный размер базовой части гранта – 100 млн руб. в год в виде субсидий из федерального бюджета), которые (наряду выполнением количественных показателей работы вуза по численности обучающихся, объему доходов и пр.) занимают ведущие позиции в международных рейтингах (не менее одного раза, начиная с 2018 г. в Топ-500 одного из рейтингов ARWU, QS, THE и/или Топ-100 не менее одного предметного (отраслевого) рейтинга ARWU, QS, THE)¹. Включение в Программу «Приоритет 2030» происходит на конкурсной основе, при этом Программой в дальнейшем предусматривается механизм ротации вузов-участников.

Отличием программы «Приоритет 2030» является, во-первых, рассмотрение в качестве ключевых приоритетов развития не только естественно-научной сферы и инженерного направления, но и развитие социально-гуманитарного направления. Во-вторых, в отличие от многих предшествующих программ развития сферы высшего образования в программе «Приоритет 2030» акцент делается не только на развитие вуза в целом, но и на развитие научно-педагогических работников, которые должны создавать новые научные знания, прорывные технологии и разработки, транслировать лучшие практики научно-исследовательской и образовательной деятельности всему образовательному сообществу. Кроме того, в «Программе заявлена ориентация на формирование широкой группы университетов-лидеров, соответственно, предполагается опора не на узкий круг «академиков», а на массовую группу НПП» [16, с. 61-62]. Причем, в Программе подчеркивается, что за научно-педагогическими работниками закрепляется функция создания инновационного знания, а функция распространения – за университетом. Соответственно можно говорить о изменении профессиональной роли НПП в реализации стратегических целей развития вуза. В целом участие организаций сферы высшего образования в программах академического лидерства требует от них модернизации экономических, социально-психологических и административных норм и инструментов, регулирующих включение работников в трудовую деятельность, изменения принципов взаимоотношений между работниками, работодателями и системы привлечения, развития и удержания сотрудников.

Реформирование высшей школы как фактор трансформации системы социально-трудовых отношений в вузе

Изменения, происходящие в системе социально-трудовых отношений в вузе под влиянием реформ высшей школы, прежде всего проявляются в таких сферах, как занятость, организация, нормирование и мотивация труда научно-педагогических работников. Программы академического лидерства подчеркивают важность не только всесторонней поддержки развития организаций сферы высшего образования, но и усиления внимания к вопросам повышения эффективности деятельности ее основных субъектов – научно-педагогических работников. В современных условиях одним из ключевых показателей квалификации и качества работы преподавателя современного университета является не столько ученая степень/звание и качество педагогической работы, сколько академическая репутация или результативность научно-исследовательской работы.

Одним из результатов проводимых реформ в высшей школе стало *усиление внимания образовательных организаций к вопросам формирования привлекательного академического бренда вуза*. С конца XX в. в России многие реформы в сфере образования и науки основывались «на принципах менеджериализма, или нового государственного менеджмента, в рамках которых результаты деятельности образовательных и научных организаций должны сводиться к четким и сравнимым количественным показателям» [8, с. 17-29; 9, с. 149]. В сфере высшего образования менеджериализм проявляется:

- в быстром распространении международной сравнительной (рейтинговой) оценки эффективности деятельности вузов;
- в активной разработке разнообразных систем оценки академической эффективности НПП (на основе индивидуального рейтинга преподавателя);
- в росте бюрократизации образовательного процесса, увеличении объемов отчетности и документации по образовательной и научно-исследовательской деятельности.

¹ Официальный сайт Минобрнауки. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/presscenter/news/?ELEMENT_ID=21471

Сферу высшего образования можно рассматривать как «рынок лимонов» – рынок с асимметричной информацией. Одним из инструментов, снижающим неопределенность и информационную асимметрию на рынке высшего образования, стали различные рейтинги вузов и НПР. С одной стороны, рейтинг представляет собой инструмент сравнения образовательных продуктов/услуг вузов, единый стандарт их оценки. Поэтому, рейтинг, являясь «информационным инструментом потребительского выбора» [17, с. 32], оказывает серьезное влияние на позиционирование вуза и способствует привлечению как высокопотенциальных научно-педагогических работников и талантливых абитуриентов, так и стратегических бизнес-партнеров. Кроме того, в России рейтинг вуза является еще и инструментом привлечения государственных инвестиций и заказов на выполнение образовательных услуг, в рамках различных Программ развития сферы высшего образования. С другой стороны, академические рейтинги вузов представляют своеобразную «гарантию» качества вуза.

Несмотря на очевидную формальную универсальность и достоверность академических рейтингов, тем не менее, все более заметной становится их критика. На наш взгляд, можно выделить минимум четыре недостатка существующих рейтинговых систем (рис. 3).

Недостаточная прозрачность расчетов показателей и их весовых коэффициентов	• в одном индексе часто комбинируются разные виды показателей; • под влиянием органов власти и "научных авторитетов" показатели и коэффициенты используются зачастую для того, "чтобы измерить то, что измерить невозможно";
Недостаточно релевантный выбор показателей в рейтинге	• акцент на библиометрических показателях, получаемых в результате анализа баз данных; • отсутствие (в значительной степени) показателей качества образовательной деятельности вуза; • акцент на входных показателях (количество и «качество» поступивших), а не на выходных характеристиках (результаты учебы); • опрос преимущественно экспертов из академического сообщества;
Недостаточный учет специфических особенностей вуза	• применение ко всем вузам одинаковых критериев (численность НПР и студентов, размер, сфера образования и др.); • "эффект Матфея" (Matthew effect) - крупные научные центры "притягивают больше ресурсов (как человеческих, так и материальных) по сравнению с вузами, которые еще не успели создать себе репутацию; • сложность накопления репутационного капитала новым вузам и, соответственно, ухудшение позиций в конкурентной борьбе с крупными известными вузами;
"Битва за показатели"	• наличие жестких сроков отчетности по показателям рейтинга приводит к практике публикаций в короткий срок (количество работ, индексируемых в ведущих наукометрических базах, часто заменяет их качество);

Рис. 3 Недостатки академических рейтингов [составлено авторами на основе: 7, с. 88-94; 8; 9; 17, с. 25-33; 18, с. 794-796; 19, с. 74-75; 20; 21, с. 121-122; 22, с. 66-70; 23]

Fig. 3. Disadvantages of academic ratings

Вторым проявлением тренда, связанным с менеджериализмом и формализацией показателей оценки эффективности образования является распространение принципов рейтинга на деятельность НПР. Иногда рейтинг преподавателя даже называют «ахиллесовой пятой» университетского управления человеческим капиталом» [16, с. 59-71]. Как и в случае с международными академическими рейтингами университетов, в последние годы наблюдается доминирование

формальных количественных критериев оценки деятельности преподавателя, что усиливает «имитационность успешности» как отдельных работников профессорско-преподавательского состава, так и вуза в целом. Этот процесс в свою очередь способствует росту бюрократизации и «стереотипизации высшего образования» [24. р. 298], формализации критериев успешности функционирования вуза и приводит к увеличению так называемого рынка «гострайтинга и «корпоративных закупок» публикаций.

Одним из самых заметных направлений в реформировании сферы высшего образования стала *цифровизация*. Процесс цифровизации начался еще с конца XX века, однако примерно с 2010-х гг. превратился в «цифровую революцию». Одним из драйверов быстрой цифровизации сферы высшего образования стала пандемия. Цифровизация связана не только с внедрением новых информационных технологий в учебный процесс, трансформацией принципов организации образования и реализацией новых образовательных программ и стандартов, но и приводит к трансформации принципов и направлений деятельности научно-педагогических работников, меняет характер коммуникаций между ними (рис. 4).

Рис. 4 Влияние цифровизации на трансформацию социально-трудовых отношений в высшей школе¹
 Fig. 4 The impact of digitalization on the transformation of social and labor relations in higher education

¹ Составлено авторами по материалам исследований.

Цифровизация неизбежно приводит к изменению системы ценностей как научно-педагогических работников, так и принципов взаимодействия работника и работодателя:

– изменяется уровень социальной коммуникабельности работника посредством реализации виртуальных коммуникаций, которые позволяют преодолеть ряд барьеров в общении (пространственный, языковой и пр.);

– изменяется качество социально-трудовых коммуникаций, что выражается в парадоксе: с одной стороны, использование информационных технологий позволяет разнообразить состав субъектов трудовых взаимодействий, развивая коллективные формы деятельности, с другой – происходит индивидуализация труда, когда «трудовой коллектив заменяется совокупностью пользователей ПК»;

– изменяются факторы социальной мобильности и карьерного роста: преимущества продвижения по уровням иерархии имеют те работники, которые обладают новейшей информацией, а также способны эффективно презентовать себя в виртуальном пространстве, создавая и транслируя о себе необходимые сведения.

Цифровизация высшей школы в значительной степени позволила расширить возможности занятости научно-педагогического работника, разнообразить формы осуществления трудовой деятельности и увеличить ее мобильность: «цифровое рабочее место», работа в «облаке» и др. С одной стороны, уже сейчас для многих работников, особенно работников сферы высшего образования свободное время используется для саморазвития, приобретения новых навыков, позволяющих им быть более успешными в трудовой деятельности. Однако, с другой стороны, наблюдается т.н. «парадокс автономии», в соответствии с которым усиление гибкости и автономии работы приводит к росту интенсификации труда. По данным российских исследователей, около 86% преподавателей отмечают сокращение свободного времени и ощущение роста рабочей нагрузки¹.

К числу негативных результатов цифровизации в высшей школе можно отнести также актуализацию проблемы прекаризации занятости НПП и формирование «краткосрочной ментальности», выражающуюся в переходе на краткосрочные трудовые договоры/контракты (1-4 года). В условиях падения реальных доходов населения в РФ, в сфере высшего образования получает распространение также вторичная занятость. При этом целью дополнительной занятости научно-педагогических работников является не только увеличение уровня доходов, но и более полная профессиональная реализация, например, приобретение статуса эксперта. В целом работники сферы высшего образования, как отмечают Дж. А. Акерлоф и Р. И. Крэнтон, по сравнению с другими сферами экономики отличаются высокой самоидентификацией и сильной профессиональной идентичностью [25, с. 109-111].

В настоящий момент, с одной стороны, «гонка рейтингов», а с другой – увеличение трудоемкости многих видов деятельности НПП в условиях внедрения новых форматов работы (необходимость «переформатирования» материалов учебных дисциплин в соответствии со стандартами дистанционного проведения занятий, освоение новых образовательных технологий, онлайн-платформ и ресурсов, разработка новых контрольно-измерительных материалов для отслеживания успеваемости студентов и др.) неизбежно вызывают интенсификацию труда преподавателей, переработки и неоптимальное распределение времени между различными видами работ (подготовка и проведение занятий, разработка учебных и методических материалов, проведение исследований, отслеживание новых публикаций в сфере научных интересов и др.). В этих условиях деятельность научно-педагогических работников характеризуется высокой интеллектуальной нагрузкой и отличается повышенным уровнем психоэмоционального напряжения. Активная научно-исследовательская работа, образовательная, экспертная и другие виды деятельности являются доминантой не только профессиональной деятельности НПП, но и, по сути, становятся их образом жизни. Это приводит к «размыванию границ» между собственно трудовой сферой (работой) и личной жизнью (трудом и отдыхом/досугом). Систематическое нарушение баланса времени труда и времени отдыха также можно считать одной из особенностей современной системы социально-трудовых отношений в сфере высшего образования.

¹ См.: [16, с. 59-71], а также: Трудозатраты добросовестных преподавателей стали выше. – URL: <https://www.hse.ru/news/edu/362877172.html> (дата обращения: 19.12.2021)

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что развитие процессов реформирования сферы высшего образования приводит к изменению содержания социально-трудовых отношений в вузе. При этом происходит не столько трансформация институтов, регулирующих социально-трудовые отношения, сколько трансформация инструментов, обеспечивающих функционирование этих институтов.

Список источников

1. Родина Л. Л., Николаева Н.В., Пономарёв А.И. Из истории университетов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 4. Том 2 (60). Вып. 4.
2. Кузьминов Я. И., Семенов Д. С., Фрумин И. Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4.
3. Университеты на перепутье: Высшее образование в России / Д. П. Платонова, Е. С. Абалмасова, С. К. Бекова и др.; под ред. Д. П. Платоновой, Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
4. Кларк Б. Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М.: НИУ ВШЭ, 2011.
5. Соловьев В.П., Пахомов Н.Н., Перескокова Т.А. Два измерения кризиса высшего образования в России // Юрист вуза. 2022. № 2.
6. Вольчик В. В., Кот В. В., Ширяев И. М. Институты и организации сферы высшего образования (на примере Ростовской области) // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2015. Том 6. № 4.
7. Вольчик В. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д Реформы в сфере высшего образования: роль институтов и социального капитала // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2016. Т. 8. № 2.
8. Вольчик, В. В., Корытцев, М. А., Маслюкова, Е. В. Институциональные ловушки и новый менеджизм в сфере образования и науки // Управленец. 2018. 9(6).
9. Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки // Terra Economicus. 2019. № 17(2).
10. Мамяченков В. Н. Возникновение и развития системы высшего профессионального образования в России: проблема периодизации // Научный диалог. 2018. № 2.
11. Князев Е. А., Дрантусова Н. В. Дифференциация в высшем образовании: основные концепции и подходы к изучению // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 5 (81).
12. Вашурина Е. В., Евдокимова Я. Ш., Овчинников М. Н. О некоторых подходах к разработке типологии российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4-5 (92-93).
13. Берестов А.В., Гусева А.И., Калашник В.М., Каминский В.И., Киреев С.В., Садчиков С.М. Вклад в Проект 5-100 национальных исследовательских и федеральных университетов // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10.
14. Индикаторы образования: 2022: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 532 с.
15. Серебряков А. А. Обзор программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 3.
16. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Научно-педагогическое сообщество в российских вузах в условиях осуществления программы «Приоритет-2030»: проблемы и перспективы // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1.
17. Павлюткин И. В. Университеты, рейтинги и рынок: институциональные эффекты ранжирований в поле высшего образования // Вопросы образования. 2010. № 1.
18. Жук А. А. Институциональные ловушки в сфере высшего образования // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 4.
19. Кинчарова А. В. Методология мировых рейтингов университетов: анализ и критика // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 2 (90).
20. Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности. – URL: <https://un-sci.com/ru/2020/04/22/effekt-matfeya-v-nauke-nakoplenie-preimushhestv-i-simvolizm-intellektualnoj-sobstvennosti/> (дата обращения: 12.05.2022).

21. Савицкая Е. В., Алтунина Н. С. Высшее образование: репутационные эффекты, сигнальные искажения и благоприятный отбор // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 10. № 1.
22. Тамбовцев В. Л. О научных основаниях реформ в сфере высшего образования // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 2.
23. Brown R. The march of the market / The Marketization of Higher Education and the Studentas Consumer / eds. M. Molesworth, E. Nixon, R. Scullion. L.; N. Y.: Routledge, 2011.
24. Pallas J., Wedlin L. Governance of science in mediatized society: media rankings and the translation of global governance models for universities // Global themes and local variations in organization and management: perspectives on glocalization / eds. G. S. Drori, M. H. Llerer, P. Walgenbach. N. Y.: Routledge, 2013.
25. Акерлоф Дж. А., Крэнтон Р. И. Идентичность и экономика организаций // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8. № 2. – URL: <http://hsehelp.ru/sites/default/files> (дата обращения 26.10.2022).

References

1. Rodina L. L., Nikolaeva N.V., Ponomarev A. I. History of University. *Vestnik of Saint-Petersburg university*. 2015;(1) (In Russ.)
2. Kuzminov J., Semenov D., Froumin I. University Network Structure: From the Soviet to the Russian «Master Plan». *Education issues*. 2013;(4). (In Russ.)
3. *Universities at a crossroads: Higher education in Russia* / D. P. Platonova, E. S. Abalmasova, S. K. Bekova, etc.; edited by D. P. Platonova, Ya. I. Kuzminova, I. D. Frumin; National. research. Higher School of Economics, Institute of Education, Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. (In Russ.)
4. Clark B. R. *Higher Education System: Academic Organization in a Cross-national Perspective*. Moscow: HSE; 2011. (In Russ.)
5. Solovjev V., Pakhomov N., Pereskokova T. Two dimensions of the crisis of higher education in Russia. *University lawyer*. 2022;(2). (In Russ.)
6. Volchik V., Kot V., Shiriaev I. Institutions and organisations in Russian higher education: the example of Rostov region education services market. *Journal of Economic Regulation*. 2015;6(4). (In Russ.)
7. Volchik V., Krivosheeva-Medyantseva D. Perceptions of Higher Education Reforms in Russia: the Role of Institutions and Social Capital. *Journal of Institutional*. 2016;8(2). (in Russian)
8. Volchik V., Korytsev M., Maslyukova E. Institutional traps and New Public Management in education and science. *Upravlenets (The Manager)*. 2018;9(6). (In Russ.)
9. Volchik V. Maslyukova E. Reforms, tacit knowledge, and institutional traps in education and science. *Terra Economicus*. 2019;17(2). (In Russ.)
10. Mamyachenkov V. N. Origin and Development of Higher Professional Education System in Russia: Problem of Periodization. *Nauchnyy dialog*. 2018;(2). (In Russ.)
11. Knyazev E. A., Drantusova, N. V. Differentiation in higher education: the main concepts and approaches to study. *University management: Practice and analysis*. 2012;5(81). (In Russ.)
12. Vashurina E. V., Evdokimova Ya. Sh., Ovchinnikov M. N., On some approaches to developing a typology of russian universities. *University management: Practice and analysis*. 2014;4-5 (92-93). (In Russ.)
13. Berestov A.V., Guseva A.I., Kalashnik V.M., Kaminsky V.I., Kireev S.V., Sadchikov S.M. Project «National Research University» – Driver of Russian Higher Education. *Higher Education in Russia*. 2020;29(3). (In Russ.)
14. *Indicators of education: 2022: statistical collection* / N. V. Bondarenko, L. M. Gokhberg, O. A. Zorina, etc.; National research. uni-t «Higher School of Economics». Moscow: HSE; 2022. 532 p. (In Russ.)
15. Serebriakov A. Overview of the Priority 2030 Strategic Academic Leadership Program. *Science Management: Theory and Practice*. 2021;3(3). (In Russ.)
16. Ambarova P.A., Zborovsky G.E. Scientific and Pedagogical Community in Russian Universities in the Context of the Program «Priority 2030» Implementation: Problems and Prospects. *Higher Education in Russia*. 2022;31(1) (In Russ.)
17. Pavlyutkin I. V. Universities, ratings and the market: institutional effects of rankings in the field of higher education. *Education issues*. 2010;(1). (In Russ.)
18. Zhuk A. Institutional traps in the sphere of higher education. *Actual problems of economics and law*. 2018;12(4). (In Russ.)
19. Kincharova A.V. Methodology of international university rankings: analysis and criticism. *University Management: Practice and Analysis*. 2014;2 (90). (In Russ.)

20. Merton. R. K. The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property. *ISIS*. 1988;(79). Available from: <https://un-sci.com/ru/2020/04/22/effekt-matfeya-v-nauke-nakoplenie-preimushhestv-i-simvolizm-intellektualnoj-sobstvennosti/> [Accessed: 12.05.2022].

21. Savitskaya E., Altunina N. Higher education: reputational effects, distorted signaling and propitious selection. *Journal of institutional studies*. 2017;10(1). (In Russ.).

22. Tambovtsev V. The scientific basis for the higher education reforms. *Bulletin of Omsk University. The series "Economics"*. 2015;(2). (In Russ.).

23. Brown R. The march of the market. In: *The Marketization of Higher Education and the Studentas Consumer* / eds. M. Molesworth, E. Nixon, R. Scullion. L.; N. Y.: Routledge; 2011.

24. Pallas J., Wedlin L. Governance of science in mediatized society: media rankings and the translation of global governance models for universities. In: *Global themes and local variations in organization and management: perspectives on glocalization* / eds. G. S. Drori, M. H. Llerer, P. Walgenbach. N. Y.: Routledge; 2013.

25. Akerlof G., Kranton R. Identity and the economics of organizations. *Russian Journal of Management*. 2010;8(2). Available from: <http://hsehelp.ru/sites/default/files> [Accessed: 26.10.2022] (In Russ.)

Информация об авторах

Е. П. Костенко – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Южного федерального университета;

А. В. Гозалова – преподаватель кафедры информационной экономики Южного федерального университета.

Information about the authors

E. P. Kostenko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Human Resource Management Department of Southern Federal University;

A. V. Gozalova – Lecturer of Department of Information Economics of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.11.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 19.11.2022; approved after reviewing 02.12.2022; accepted for publication 05.12.2022.